

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

ДАНДИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕСЯТИ ПРИНЦЕВ

Роман индийского поэта Дандина «Приключения десяти принцев» представляет собою цикл повестей, заключенных в общую рамку, своего рода индийский Декамерон. По содержанию своему он представляет неоценимый источник для познания средневековой индийской жизни, с ее богатой, утонченной городской культурой. Индусы причисляют Дандина к числу своих «великих поэтов» (*mahakavi*), — а это такой титул, в присуждении которого они обнаруживают особую скупость, несмотря на всю склонность к преувеличениям и комплиментам. Законодатель Индийского Парнаса, *Амандавардана*, говорит, что великих поэтов имеется всего лишь «два, три» или, самое большое, «пять, шесть». Во всяком случае, принадлежность Дандина к этой группе в Индии общепризнана.

Роман написан прозой, но прозой высокой искусственности и стилизации. Перевод такого рода произведения на европейские языки весьма труден, но здесь он отчасти облегчен тем, что это все же проза, а также тем, что в нем встречаются места, написанные простым естественным и живым слогом. Переводчику приходится давать текст романа в уже проанализированном виде, поневоле раскрывая все намеки и игру слов, т. е. проделывать за европейского читателя ту работу, в которой индийский знаток видит главную суть наслаждения художественным произведением. Индийская поэтика знает, правда, и другие виды поэзии, для которых необязателен столь сложный стиль, но наш роман принадлежит именно к разряду искусственных, так наз., больших поэм (*mahakavya*). К этому же разряду относятся поэма Субанду, «Васавадатта», и две поэмы Бана, «Кадамбари» и «Жизнь царя Хорша».

Что касается времени написания романа, то как по внутренней близости к вышеуказанным образцам литературы, так и по другим соображениям, оно может быть определено, хотя и очень неточно, вернее, могут быть указаны предельные сроки, между которыми расположено время его написания: а именно, мы можем установить, что он был написан не ранее 3-го и не позднее 7-го века по Р. Х.

«Приключения десяти принцев» дошли до нас в неполном виде — не хватает начала и конца романа. Что касается его конца, то он, по видимому, просто не был написан автором. Начало же якобы утрачено, и другие авторы, подражая Дандину, пытались его восстановить. Но самое предположение о том, что начало утрачено, представляется мало вероятным; к тому же многое из того, чего недостает в начале, потом рассказывается в самом романе. Вполне возможно, что предполагаемого «начала»

вовсе и не было, а что автор так и начал свой роман, для вядшего эффекта, со сцены в тереме. Это, правда, противоречит общепринятой поэтике, но сама же эта поэтика допускала в принципе возможность исключений, и тем более такое исключение должно было считаться простительным для большого таланта, как Дандин.

А. Т.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЕВИЧА РАДЖАВАХАНА

Услышав от своего возлюбленного рассказы о всем том, как происходили на свете (знаменитые случаи похищения жен), дивная женщина эта широко раскрыла от удивления глаза, улыбнулась и сказала:

— «Милый! благодарю тебя! наслушалась я от тебя сегодня многому! Ты осветил сегодня мою душу светом знания, от которого исчезнет мой грех! Постой (я должна возблагодарить тебя), ибо назрел плод твоей ко мне любви. Но чем же я могу быть тебе полезна, чтоб достойным образом ответить на твое внимание? Ведь я вся твоя. У меня нет ничего такого, чтобы уже не принадлежало тебе! Однако, нет! Существует еще нечто такое, что от меня всецело зависит. Например, (я могу поцеловать тебя!). Конечно, эти твои губы только что использовала Богиня Красноречия, но кое-что от них осталось, и если я не пожелаю, то я их и не поцелую! Богиня Красоты, восседающая на лотосе, прижималась своим крутым бюстом к твоей высокой груди, но никто не может помешать и мне тоже ее обнять».

При этих словах ее роскошные округлые груди прильнули и покрыли собою его грудь: так тяжелые весенние облака покрывают собою небосклон в дождливый день. Глаза ее заблестали глубокой страстью: так на роскошно растущей банановой пальме чернеется вверху раскрывающийся плод. Она страстно поцеловала розовые, как рубин, его губы. По лицу его рассыпались ее густые волосы, которые (своим темным отливом) и пестротой заплетенных в них букетиков напоминали расцветку павлиньих перьев. Подобно тому, как розовый цветок кадамба, над которым кружит рой черных пчел, светится через них своими раскрытыми сверкающими красными тычинками (так розовые губы его, как лучи рубина, блестя среди ее черных волос). Но стоило только начать! Любовь вспыхнула (и нельзя уже было ее остановить). Снова и снова возобновляли они сладостную длительность взаимного упоения после бесконечно разнообразных ухищрений любовной ласки. Наконец, они устали наслаждаться друг другом и заснули. И вот, им обоим приснился какой-то старый лебедь, лапы которого были, как веревками, связаны волокнами лотоса. Тогда они оба проснулись, и вот что им представилось. Ноги молодого царевича были обвиты серебряной цепочкой. Казалось, только луна, приняв его ступни (с распушенными пальцами) за цветы лотоса (с распушенными лепестками), сделала из своих белых лучей веревочки, чтобы связать их.

Как только царица это заметила, она вскрикнула: «Что это такое?» и вся дрожа от сильного страха, принялась кричать изо всех сил. Взволновался весь терем. Сенные девушки, спавшие рядом, задрожали от страха, как будто бы весь дом был объят пожаром, или как будто на терем напали людоеды. Не разбирая, что следовало делать сейчас и что потом, забыв про уговор хранения тайн терема, они попадали на пол, били себя в грудь, рыданиями раздирали горло, а ручки слез текли по их щекам. Услышав этот шум, служителя терема, имевшие при таких обстоятельствах свободный вход в него (и ночью), немедленно поднялись с криками: «Что, что такое!?!», вошли и увидели царевича в вышеописанном положении. Первое их желание было примерно наказать (смельчака), но из почтения к его царскому величию они остановились и сразу, немедля доложили обо всем наместнику царя Чандаварману. Тот пришел, разгневанный. И когда он осмотрел всех присутствующих, в глазах его загорелся огонь, которым он, казалось, готов был всех сжечь. Опомившись и сообразив, что произошло, он стал браниться, говоря:

— «Как! это тот самый друг купеческого сына Пушподбавы, иностранца, который так гордился своим богатством, мужа злойной Балачандрики, из за которой был убит мой младший брат. Он называет себя брамином. Он просто преступник, умеющий скрыть свои злые намерения. Он ни весть что воображает о своей красоте, гордится своими познаниями во всех искусствах, разными обманами и ловкими фокусами он привлек на свою сторону глухих горожан и заставил их верить в то, что он пользуется покровительством богов. Но это ложь и обман! Его волшебная кольчуга — миф. Как могла эта преступная Авантисундари полюбить такого человека?! Ведь она с презрением отвергала даже мне равных выдающихся людей. Она поступила нечестно. Она осквернила свой род. Пусть же не далее как сегодня ее любовник на ее же глазах будет посажен на кол».

При этих словах вид его был ужасен, брови сжимались, и лоб был обезображен морщинами. Он стал похож на бога Смерти. Его грубые руки, крепкие, как железный жезл в руках бога Смерти, схватили нежные, как лотос, руки царевича, и он насильно потащил его вон, не обращая внимания на знаки царского происхождения, колесо и лотос, которые были изображены на его руках. Царевич же, хотя и обладал сверхестественным мужеством, но, будучи умен и сдержан по природе, решил, что единственное средство в данном положении — терпение. В несчастье своем он увидел судьбу (которая наказывала его за насмешку над святыми отшельниками). На прощанье он крикнул:

— «Помни, что я тебе рассказывал о лебедь, ты, обладающая лебединой походкой... Потерпи, дорогая, два месяца!» — Этими словами он заронил надежду в душу той, которая полюбила его так, что готова была отдать за него жизнь, которая и для него была столь же дорога, как жизнь. Затем он предал себя в руки врага.

Когда весть о случившемся дошла до старых царя и царицы Малавийских, они были очень опечалены. Догадываясь по намекам врага, что

тот хочет казнить царевича, и сочувствуя ему, как будущему зятю, вследствие его необычайной красоты, они решили взять его под свою защиту. Однако, совершенно выручить его из беды они не могли, так как их власть не простиралась столь далеко. Чандаварман же, отличаясь необузданностью своего характера, (поступил таким образом): о всем случившемся он послал извещение царю Дарпасару, который в то время был в отъезде на Гималай, где он предавался религиозному подвижничеству. Затем он распорядился неожиданно отобрать сразу все имущество у семьи купца Пушподбавы и посадить их всех в тюрьму. Царевича же, как молодого царственного льва, он посадил связанного в деревянную клетку, лишив его пищи и питья. Однако, благодаря чудодейственному талисману, спрятанному в его пышных волосах, тот не страдал ни от голода, ни от жажды, ни от других неудобств. Затем Чандаварман стал собираться в поход в Бенгал, чтобы наказать царя Бенгальского, который отверг его сватовство за его дочь и тем нанес ему оскорбление. Однако он не решался никому доверить охрану царевича и потому велел взять его с собой. От его могущественной армии задрожала земля, когда он (подойдя к столице Бенгала) осадил город Чампу.

ПОХОД ПРОТИВ ЦАРЯ БЕНГАЛЬСКОГО

Со своей стороны, царь Бенгальский Синхаварман, настоящий лев по непреодолимому мужеству, вышел из городских стен и направился с большим войском навстречу врагу, не дождавшись быстро собиравшихся к нему на помощь союзных царей, которых сам же он призвал через многочисленных гонцов; несмотря на то, что они уже скоро должны были подойти, царь, как воочию явившаяся на землю воплощенная гордость, обураваемый нетерпением, сам напал на вражеское войско. Произошло большое сражение. Синхаварман потерял все бывшее с ним войско и сам, после того как выдержал сотню неистовых ударов, и кольчуга его была проколота, теряя под собою слона за слонем, был наконец взят в плен Чандаварманом, который также, со своей стороны, проявил сверхчеловеческую силу и мужество. Но он не убил его, так как питал сильнейшую страсть к Амбалике, его дочери, прозванной «сокровищем среди молодых женщин». После того, как все стрелы были извлечены из тела Синхавармана, и он поправился, Чандаварман старался помириться с ним, но не имел никакого успеха, и потому посадил его в тюрьму. Затем он приказал штату придворных астрологов вычислить, что царица Амбалика должна быть выдана замуж немедленно, на другой же день рано утром.

И вот, в то время, когда он уже стал одеваться в праздничные одежды (приготавливаясь к свадьбе), вернулся из Гималаев от царя Дарпасары гонец Энаджанга и привез такой ответ на донесение (о происшествии между царевичем Раджаваханом и царицей Авантисундари): «О глупый человек! Разве осквернитель девичьего ложа достоин сожаления? Стоило ли тебе обращать внимание на болтовню старого царя (Малавийского)? От старости он уже потерял и гордость, и стыд. Только поэтому он и защищает дурное

поведение своей дочери. Ничуть не медля, вели пытать и казнить влюбленного царевича. Пришли мне известие о том, что это исполнено. Обраду мой слух известием о его смерти! А царевну, которая так скверно себя ведет, вместе с ее младшим братом, Киртисарой, вели заковать в цепи и запереть в тюрьму».

Услышав это, Чандаварман приказал: — «Завтра же рано утром должен быть доставлен к воротам дворца негодяй Раджавахана, осквернитель девичьей чести. Туда же должен быть доставлен и большой слон, называемый «Неистовый Юнец», и на него надеты все украшения. Я совершу обряд венчания, а затем сам сяду на этого слона и сделаю нечестивого царевича игрушкой (под его ногами). Затем, не сходя со слона поеду навстречу врагу и разобью войско, спешащее царевичу на помощь. Я возьму его в плен вместе с его казною и верховыми животными». — Сказав это, он произвел смотр своему войску.

На следующий день, как только занялся на небе свет утренней зари, стражники вывели царевича на площадь перед дворцом, туда же был доставлен и слон, носящий кличку «Неистовый Юнец», приведенный предварительно в бешенство, вследствие чего из висков у него потекли ручьи жидкости. И вот, в этот самый момент ноги царевича освободились от связывавшей их серебряной цепочки. Сама же цепочка обратилась в божественную нимфу, заблеставшую в воздухе, как серп молодой луны. В знак почтения к царевичу, она обошла кругом него слева направо, подняла вверх сложенные молитвенно ладони и почтительно доложила:

РАССКАЗ НИМФЫ

— «Царь, сделай милость, подари мне минуту внимания и сочувствия. Я божественная Нимфа, по имени Суратамаджари, дочь Сомарашми. Однажды, когда я летала по воздуху, к моему лицу приблизился лебедь, который принял висевшую у меня на плечах длинную жемчужную нить за белый стебель лотоса. Когда он жадно хотел схватить ее, я отогнала его. При этом я рванула жемчужную нить, она разорвалась и совершенно случайно упала на голову великому святому отшельнику Маркандее, который в это время купался в озере на Гималае. Озеро было мелко, так что святой то погружался, то подымался из воды. Когда жемчужины упали ему на голову, седые его волосы, смешавшись с жемчугами, показались вдвойне белыми. Разгневанный, он изрек на меня ужасное проклятие: «Дрянь! превратись в металл, лишись сознания!» Я стала умолять его о прощении. Тогда он определил, что в наказание я должна буду на два месяца превратиться в цепь и связывать собою твои лотосоподобные ноги. После этого мое несчастье миует, и мне вновь вернутся все органы и чувства в прежней силе. Таким образом, за великий свой грех я превратилась в серебряную цепочку. В этом виде меня нашел на горе Шанкара некий гений, по имени Виращкара, сын Манасавеги и внук дая Вегаванта, из рода Икшвакуидов. Он взял меня и присвоил себе. Он питал сильную вражду к вла-

стителю империи воздушных гениев Нараваханадатту, сыну царя Ватса за то, что тот враждовал с его отцом. Поэтому он вступил в союз с царем Дарпасаром, в надежде что этот царь, благодаря силам, приобретенным путем подвижничества, будет в состоянии (отомстить) за обиды, нанесенные нынешним императором его отцу. Тогда Дарпасар обещал отдать ему (как союзнику) в замужество сестру свою Авантисундари. И вот, однажды, как-то раз, когда луна блестела самым чистым своим светом, он, не будучи в состоянии сдерживать своих чувств, пожелал взглянуть на Авантисундари, предмет самых страстных его желаний, и прилетел (ночью) ко дворцу царицы, который при лунном свете блистал, как дворец бога Индры. Так как он обладал даром становиться невидимым, то никто не заметил, как он проник в спальню. Он же увидал (обещанную ему невесту), отдыхающую от упоения твоею любовью, с головой, лежащей у тебя на груди, после того как ты путем восхитительных рассказов обратил на себя течение многоводного потока ее любви. Рассказы твои о создании, гибели и жизни в трех мирах были столь восхитительны, что, слушая их, казалось, что пьешь амброзию. Хотя он сильно разгневался при виде такой картины и решился было наложить на тебя другое наказание (именно убить тебя), но все же не сделал этого. Таково было влияние твоей тайной силы. Судьба внушила ему другое решение: в то время как вы оба сладко спали, обняв друг друга, он связал лотосоподобные ноги твои, посредством меня, которая была обращена в серебрянную цепочку. Затем, вне себя от гнева, он удалился. Теперь окончился срок моего наказания, окончился также и срок твоего плена. Будь милостив, скажи, что мне теперь для тебя сделать».

Рассказав это, она почтительно поклонилась царевичу. — «Расскажи о том, что здесь случилось с той, которую я люблю, как свою жизнь, и этим утешь ее!» — крикнул царевич и отпустил ее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этот самый момент раздался крик: «Убит, убит Чандаварман! Убит как раз тогда, когда он протянул свою сильную руку со страстным желанием коснуться руки Амбалики, дочери царя Сихавармана. Убит каким-то преступником, вором, который в этот момент крепко схватил его за руку и стремительно оттащил его от девушки. Теперь он смело разгуливает по дворцу и уже наполнил его комнаты многими трупами».

Услышав это, царевич Раджавахана вскочил на того самого разъяренного слона, который был приготовлен для его казни, спихнул с него погонщика и сам погнал его с величайшею поспешностью к царскому дворцу. Быстрым движением слона он разогнал пеших солдат, и они открыли ему дорогу ко дворцу. Проникнув внутрь ограды, царевич голосом, который раздавался, как сильный гром из густых облаков, крикнул:

— «Велик тот человек, который совершил этот подвиг: недоступно это простому человеку! Кто он такой, пусть он подойдет! Пусть вместе со мною

сдет на этого слона! Я отвечаю за безопасность того, кто присоединился ко мне, даже если он будет воевать с богами и демонами!»

Когда раздался этот крик, из толпы вышел человек (который убил Чандавармана). Вне себя от радости, он поклонился царевичу, подняв вверх, в знак почтения, руки со сложенными ладонями. После того он сделал слону знак, по которому тот подогнул передние ноги. Тогда он быстро на него взобрался, но в тот самый момент как садился, царевич взгляделся в него, глаза его широко раскрылись от радости, и он сказал:—«О счастье! Это мой дорогой друг, сам Апахараварман!»—Сев на слона сзади, тот просунул свои крепкие руки царевичу под мышки и, держась за него, стал прижимать его к себе, а царевич загнул свои руки назад и, в свою очередь, обнял его. Эти взаимные объятия продолжались один момент, так как наступали вражеские воины. Они вели сражение всякими способами, применяя луки, стрелы, диски, железные дротики, щиты, копья, палицы, железные штыки и пр. Всех их, по мере того как они наступали, Апахараварман повергал на землю. Когда он так защищался, он вдруг увидел свое войско, которое спешило ему на помощь и имело при себе все роды оружия.

Вслед за тем к этому месту подъехал на слоне молодой воин. Он погонял слона изо всех сил, дарапая его голову ниже ушей пальцами своих ног. В то же время, он с необычайною ловкостью осыпал врагов целым дождем стрел. Цвет лица его был светлый, как цвет желтого ствола пальмы, темные же волосы его имели голубой отлив, напоминавший блеск сафира. Ноги и руки его имели мягкие очертания, как стебли лотоса. Темные блестящие зрачки его глаз находились на продолговатых, как бы до ушей достигающих, белых, как молоко, глазных яблоках. Кинжал, украшенный драгоценными камнями, висел у него на боку. Живот его был подтянут, грудь же выдавалась вперед, одет он был в шелк. Приблизившись к царю Раджавахану, он сразу узнал его на основании всего того, что слышал о нем раньше. Подняв кверху сложенные ладони, он поклонился ему, затем, пристально смотря на Апахаравармана, он доложил:

— «По твоему приказанию, я указанным тобою способом собрал и привел сюда это войско для оказания помощи царю Бенгальскому. Армия врага разбита и рассеяна. Она в таком положении, что должна положить оружие даже перед женщинами. Не нужно ли сделать еще чего либо?»

Довольный Апахараварман сказал:—«Царь! сделай милость, подари свой взгляд этому человеку, он исполнит всякое твое приказание. Прошу на него смотреть, как на меня самого. Это я, только помещенный в другое тело и носящий имя Данамитр. Пусть он освободит царя Бенгальского из тюрьмы, пусть соберет вместе расхищенную его казну и разбежавшихся верховых животных. Пусть он находится наготове при тебе, о царь, с теми частями войск, которые перейдут на нашу сторону. Мы же, если ты против этого ничего не имеешь, выберем уединенное местечко и отдохнем там в свое удовольствие».—Царь отвечал:—«Как хочешь!»—И двинулся вон из города по указанной ему дороге. Она привела его на ровное место, где под тенью громадной смоковницы песок был белый, как полотно,

где веял прохладой ветер, проносясь по волнам Ганги-реки. Тут он сошел со слона, Апахараварман же сошел еще раньше его и, быстро вырвав своими руками местечко на песчанной отмели Ганги-реки, он насыпал холмик, формой похожий на слона. Царь расположился на нем с удобством. Как только он уселся, к тому же месту Данамитр привел (друзей царевича): Упахаравармана, Артапала, Праматти, Митрагупта, Вишрута и, кроме них, еще Прахаравармана, царя Митилийского, Каманала, царя Бенаресского Спихавармана, царя Бенгальского. Данамитр пал к ногам царя, который, сильно обрадовавшись, поднял его и спросил: — «Каким образом собралось вместе все это общество друзей? Что это за счастливая случайность?» — После того как ему были оказаны обычные почести, он крепко на крепко обнял каждого из друзей, а правителя Бенаресского и царей Бенгальского и Митилийского, которые были представлены ему друзьями, он приветствовал как родителей. Они, волнуясь, обнимали его, при чем седые их головы тряслись от волнения. Царь же очень был тронут. Затем началась дружеская беседа. Царь рассказал о своей жизни и оключениях Сомадатты и Пушподбавы. Это послужило поводом к тому, что каждый из друзей, в свою очередь, должен был рассказать о своей жизни, и царь приказал им это сделать. Первым из них начал свой рассказ Апахараварман.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАССКАЗ АПАХАРАВАРМАНА

— О царь! Когда ты, желая оказать помощь брамину, звавшему тебя в подземное царство, спустился вниз, через отверстие в земле, в область подземных существ, тогда компания друзей твоих разбрелась в разные стороны на поиски за тобой. Я также пустился странствовать по белу свету. И вот, однажды, от группы беседовавших между собой каких-то людей я узнал о существовании некоего старца, великого праведника, по имени Маричи, жившего в Бенгале, на берегу реки Ганги, недалеко от города Чампы. Путем аскетической жизни он, будто бы, достиг сверхестественной силы зрения, (которая давала ему возможность видеть предметы самые удаленные). Желая от него узнать о твоей судьбе, я отправился в указанное место. Придя, я увидел отшельническую обитель. Среди ее, под молодым манговым деревцом, сидел в тени какой-то аскет, с печальным выражением лица. Я был принят им, как гость, немного отдохнул у него, и затем обратился к нему с таким вопросом: — «Не знаешь ли, где находится известный владыка Маричи? Я желал бы узнать от него о судьбе случайно исчезнувшего друга моего. Мне говорили, что этот старец, великий праведник, обладает сверхестественной силой знания».

РАССКАЗ МАРИЧИ

Тогда он испустил глубокий протяжный вздох и сказал: — «Такой праведный старец действительно жил когда-то в этой обители, но вот что с ним случилось. Однажды прибегает к нему местная знаменитость, первейшая из гетер города Чампы, по имени Камаманьжари. Она была вся в слезах, и на груди ее блестели, как звездочки, отдельные капли слез, лившихся из глаз. Она подошла к нему с выражением отчаяния на лице, поклонилась ему в ноги, так что пышные ее волосы, рассыпавшись, покрыли землю у ног отшельника. В этот самый момент вслед за ней прибежала туда же ее мать, с толпой ее родни. Возбуждая во всех жалость, она стала отвешивать поклон за поклоном. Маричи был сострадателен и стал мягким голосом утешать всю эту толпу. Затем он спросил у гетеры о причине ее горя. Она же отвечала, и в голосе ее слышались и стыд, и отчаяние, и благоговение перед святым: — «Владыка! мне не суждено видеть счастье на земле. Я прибегаю за помощью к твоим стопам, для достижения счастья на том свете. Ты известен своим состраданием к несчастным!» — Тут ее мать протянула к нему руки со сложенными вместе ладонями, стала опять отвешивать поклоны, при чем поседевшие волосы ее, следуя движениям ее тела, то, рассыпаясь, касались земли, то откидывались назад.

РАССКАЗ МАТЕРИ ГЕТЕРЫ

— «Владыка! Эта, стоящая перед тобою, блудница пришла к тебе, чтобы обвинить меня в дурных поступках. Между тем, все мои дурные поступки по отношению к ней заключались в том, что я строго исполняла относительно ее свои обязанности. Действительно, ведь обязанности матери (в нашей касте) гетер заключаются в следующем. С самого дня рождения следует заботиться о физическом воспитании тела. Его нужно питать умеренной пищей, которая поддерживает равновесие в основах здоровья и содействует укреплению блеска, силы, красок и ума. Начиная с пятого года будущая гетера не должна видеть мужчин, даже своего родного отца. В день рождения, если праздник, совершается на дому богослужение, после которого бывает парадный обед. Преполагаются науки, имеющие то или иное отношение к любви, и все, что к ним относится. Основательно изучаются танцы, пение, игра на инструментах, театр, живопись, приготовление сладостей, духов и искусство составления букетов и гирлянд. Изучаются также основательно письмо и ловкость в разговоре. Науки: грамматика, логика и астрономия изучаются поверхностно, только настолько, чтобы знать, о чем идет речь. Происходит основательное ознакомление со средствами к жизни, с игровой ловкостью разговоров, с искусством азартных игр. Что касается секретных искусств, то они старательно изучаются практически под руководством лица, хорошо с ними знакомого. Во время процессий, праздников и тому подобных случаев, я старательно одеваю и украшаю свою дочь и выставляю ее на показ, окруженную многочислен-

ной толпой прислужниц. Если приходится где ей выступать в концертах, то ей всегда обеспечен успех, благодаря продажной клаке, которая заблаговременно бывает подобрана. Славу о ней я стараюсь распространить во все стороны, через знатоков того или другого искусства. Через прорицателей я стараюсь разглашать о счастливых признаках на ее теле. Золотая молодежь, танцоры, присяжные ухаживатели, весельчаки, сводни и т. п. лица восхваляют в собраниях богатых людей ее красоту, характер, ловкость, образование, манеры и ласковость. Когда она таким образом станет высшей целью желаний золотой молодежи, то мое дело определить за нее самую высокую цену и отдать ее на содержание человеку самостоятельному, хорошего происхождения, красивому, богатому, здоровому, незапятнанному, щедрому, ловкому, любезному, образованному, приятного характера, при чем он или сам ею увлечется, или она, со своей стороны, будет выказывать к нему чувство, и тем сведет его с ума. Можно отдать дочь и за малую цену, когда имеется в виду получить впоследствии очень много, за человека, хотя и не самостоятельного, но отличающегося особенными качествами, особенно выдающимся талантом. Или же можно устроить похищение дочери каким-нибудь несамостоятельным молодым человеком, с тем, чтобы под этим предлогом взять с его родителей богатый выкуп. Если же в нем будет отказано, то требовать его судом, предварительно привлекая на свою сторону любовными ласками сердце судьи. По отношению к влюбленному в нее настаивать на том, чтобы дочь вела себя, как верная жена. Всякими способами вымогать у поклонников все деньги до последней копейки, требуя постоянно содержание и одновременные подарки. Если же содержатель настолько скуп, что будет в них отказывать, то поссориться с ним и бросить его, или разжигать щедрость скупого поклонника посредством кокетничанья с его соперником. Если же появится поклонник бедный, то нужно его отваживать язвительными словами, публичной бранью, запрещением дочери принимать его, и всякими придирками заставляя его стыдиться своего положения. Мать должна взвесить материальные вопросы, связанные с тем или другим кандидатом, и постоянно сводить свою дочь с богатыми, непорочными, щедрыми людьми, которые способны выручить ее из всякого несчастья. Гетера должна иметь по отношению к своему поклоннику только легкое чувство, но не действительную любовь. Если же она и действительно влюбилась бы, она тем не менее не должна выходить из послушания матери и воспитательницы. Моя дочь нарушила закон своей касты, установленный богом, и провела целый месяц в любовной связи с откуда-то взявшимся молодым браминном, все средства которого состояли в его красоте. Она тратила на него свои собственные деньги. Многочисленным же и богатым поклонникам она отказывала и тем раздражала их, а семью свою оставила без средств и довела до отчаяния. Когда же я стала удерживать ее, говоря, что эта ее неудачная любовь не приведет к добру, она рассердилась и удалилась в лес, с намерением жить отшельницей. Если ее решение бесповоротно, то весь этот люд, который сюда к тебе пришел, не имея других средств к существованию, должен будет умереть от голода».

С этими словами она зарыдала. Тогда аскет обратился с словами сострадания к стоявшей перед ним блуднице.

— «Друг мой, ведь житье в лесу, ты знаешь, полно всяких лишений. Результат, к которому оно приводит, есть или Нирвана, т. е. окончательное освобождение от чувственного бытия, или же переселение на небо. Первая цель, имей в виду, в большинстве случаев, очень трудно осуществима, а вторая доступна каждому, без исключения, если он исполняет закон своей касты. Поэтому, я советую тебе послушаться своей матери и не приниматься за дело, тебе, очевидно, недоступное». — В ответ на это, гетера пришла в иступление и сказала:

— «Если у ног святителя я не найду спасения, то пусть сам священный огонь избавит меня, бедную, от жизни».

Тогда старец углубился в раздумье и затем обратился к матери гетеры.

— «Ступай теперь домой, повремени несколько дней, — сказал он. — Тем временем лишения пустынножизненной жизни будут сильно раздражать твою дочь, так как она привыкла к наслаждениям и очень нежна по природе. Я же постоянно буду ее вразумлять и не сомневаюсь, что она вернется к прежнему образу жизни».

Мать согласилась и ушла домой вместе с людьми, ее окружавшими.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ОТШЕЛЬНИКА МАРИЧИ

Гетера осталась и стала выказывать глубокое благоговение к отшельнику. Она оделась в белую одежду, перестала обращать внимание на украшение своего тела, занималась поливкой молодых деревьев в обители, старательно собирала и с земли, и с кустов цветы для принесения в дар божествам, а также всякого рода другими приношениями. В честь бога Шивы она составляла разные благовоения, гирлянды цветов, поддерживала благовоиные курения, исполняла танцы, пела гимны, играла на гитаре. Этими и тому подобными действиями она выражала свое благоговение перед божеством, а затем, оставаясь наедине со старцем, она занимала его рассказами, в которых изображались три главные цели человека в жизни: богатство, любовь и религия. Она также, насколько могла, затевала с ним споры о существовании души, и в самое короткое время всем этим привлекла на свою сторону сердце старца.

Однажды, находясь с ним наедине и заметив, что он совершенно в нее влюблен, она проговорила:

— «Как глупы, однако, люди, что ставят в один уровень любовь и богатство, с одной стороны, и религию — с другой». — И, сказав это, она слегка засмеялась. Тогда Маричи спросил:

— «Скажи, милая, чем же, по твоему, религия выше богатства и любви?»

Гетера стыдливо и томно отвечала:

— «Как! от такой женщины, как я, владыко хочет узнать о значении трех целей человека в жизни! Но я понимаю: это еще новый знак благоволения ко мне, твоей рабыне. Пусть так, слушай! Разве богатство

и любовь не существуют совершенно независимо от религии? Религия, ведь, стоит совершенно особняком от них. Она ведет к блаженству Нирваны, что достигается исключительно погружением в сосредоточенное размышление. Эта цель не находится в зависимости, от факторов внешнего мира, подобно богатству и любви. Религия укрепляется знанием истинной сущности вещей, ей не противоречат те или другие занятия, посвященные богатству и любви. Но даже если бы она и потерпела ущерб от таких занятий, то небольшим усилием можно поправить дело, и, освободившись от греха, достигнуть значительной религиозной заслуги.

Разве сами бессмертные боги при разных обстоятельствах не совершали самых дьявольских преступлений? Но такова уже сила их мудрости, что от этого нисколько не страдает их значение в религии. Так, например, о высшем из божеств, Бrame, известно, что он был влюблен в небесную нимфу Тилоттаму, а Шива, супруг богини Бавани, обесчестил целую тысячу жен известных мудрецов. Владыка всех существ Праджапати имел любовную связь с собственной своею дочерью, а бог Индра, хотя и был супругом богини Шачи, был в то же время любовником Ахальи, супруги мудреца Гаутамы. Бог Шашанка (месяц) известен тем, что обесчестил ложе своего наставника, а бог Солнца даже имел плотскую связь с кобылицей. Бог ветра имел сношение с супругою Кесари, обезьянообразного бога. Учитель богов Брихаспати имел любовные свидания с женой своего старшего брата Утагния. Парашара обесчестил дочь рыбака, а Вьяса известен тем, что вступил в связь с женой своего брата. Святой ясновидец Атри был в связи с самкой антилопы и т. д. Если душа очищена религией, то к ней не пристанет никакая грязь. Подобно тому, как пыль никогда не пристанет к небу, (так и грех не осквернит святого). Итак, я полагаю, что богатство и любовь совершенно не касаются даже одной сотой части религиозных заслуг!»

Услышав это, святой, в котором забушевало волнение страсти, сказал: — «Так, так, красавица! Ты смотришь верно! У тех, кто знает истинную сущность вещей, религиозные заслуги не уменьшаются оттого, что они будут предаваться чувственным наслаждениям. Но что касается меня, я с самого своего рождения даже по наслышке ничего не знаю ни о богатстве, ни о любви. Поэтому научи меня, пожалуйста, тому, в чем состоит их сущность, в чем сопутствующие им обстоятельства, и к какой конечной цели они приводят».

На это она отвечала: — «Во-первых, что касается богатства, то сущность его состоит в приобретении, приумножении и сохранении. Сопутствующие обстоятельства состоят в земледелии, в скотоводстве, торговле, в мирных договорах, в войне и т. п. Конечный результат есть достижение важности и всеобщего уважения. Что же касается любви, то сущность ее состоит в особом ощущении блаженства, выше которого ничего нет. Мысли мужчины и женщины при этом привязаны к наслаждениям жизни. Сопутствующее ей обстоятельство состоит в том, что все кругом кажется радостным и блестящим. Результат ее есть наивысшая отрада, происходящая от

взаимных объятий, одно воспоминание о которой сладостно и страшно подымает самочувствие. Это блаженство непосредственное, незаоблачное, такое, которое мы прямо ощущаем в своем сердце. Из за этого именно наслаждения люди, занимающие самое выдающееся положение, осуществляют труднейшие подвиги, дают щедрые дары, вступают в страшные сражения и опасные предприятия, как, например, переправа через океан (совершенная Рамои для спасения своей возлюбленной)».

Услышав эти слова, святой, потому ли что такова была сила его судьбы, или потому, что очень уже искусна была эта гетера, или же по слабости своей души, забыл о всех своих обетах и крепко ее полюбил. Когда же она увидела, что он от нее без ума, она привела его в свой дом. По городу они ехали в экипаже по главной улице, которая отличалась особенным великолепием.

В это время глашатаи стали выкрикивать: «Завтра праздник в честь бога любви». На следующий день она повела своего святого отшельника по великолепной главной улице туда, где было праздничное собрание. Он предварительно выкупался, умастил свое тело благовонной мазью, украсил себя красивыми цветами, вел себя во всем так, как ведут себя влюбленные молодые люди, совсем уж не желал вернуться к прежнему образу жизни, страшно тосковал, лишь только гетера на минуту от него удалялась. Там, на праздничном собрании, она увидела в одном месте царя в саду, окруженного толпою золотой молодежи. Улыбнувшись, царь обратился к ней и сказал:

— «Дорогая моя, присядь сюда вместе со святителем». — Получив такое приказание, она с поспешным кокетством улыбнулась, поклонилась и присела. Тогда одна из сидевших вокруг женщин, выдающаяся красавица, сложив ладони, подняла их вверх и сказала:

— «О, царь! Она меня победила! Начиная с сегодняшнего дня я обязана стать ее рабыней!» — С этими словами она отвесила царю низкий поклон. Среди окружавших царя приближенных поднялся шум, вызванный удивлением и радостным содраганием. Царь, будучи также возбужден, милостиво одарил гетеру драгоценными украшениями и большим количеством слуг и отпустил ее. Гетеры же высшего ранга, равно и городские нотабли стали собираться кучками и прославляли ее (как покорившую сердце святого). Она же, не уходя еще с места, обратилась к нему с такими словами:

— «Владыка, благодарю тебя! Ты оказал высокую милость мне, твоей покорной слуге. Теперь ступай, занимайся своим делом!» — Он же, как бы пораженный громом, запнулся от обуревавшей его страсти и сказал:

— «Милая моя, что же это такое? Откуда вдруг такое равнодушие? Куда девалось твое особое ко мне расположение?» — Тогда она рассмеялась и сказала: — «О, Владыка, та гетера, которая сегодня у двора созналась в том, что она побеждена мною, моя соперница. Между ею и мною произошел спор, во время которого она меня упрекнула, сказав: «Ты хва-

стаешься так, как будто бы в тебя был влюблен сам святой Маричи». По этому поводу мы с ней побились об заклад, при чем проигравшая должна была сделаться слугой у выигравшей. И вот, по твоей милости, я выиграла!»

Прогнанный таким образом, этот глупец, мучимый раскаянием, вернулся назад, как бы совершенно уничтоженный. И вот, тот отшельник, с которым так поступила эта гетера, знай, о благородный, — это я сам! Та же самая негодница, которая своим искусством внушила мне страсть, она же ее и искоренила, внушив мне таким образом великое отвращение к жизни. Что же касается твоего дела, отыскания пропавшего царевича, то я в скором времени буду в состоянии тебя удовлетворить. А пока что, ты поселись в этом самом городе Чампе, столице Бенгала».

ВСТРЕЧА С ВИРУПАКОМ

Между тем, солнце, как бы испугавшись соприкосновения с греховной темнотой, вырвавшейся из сердца святого, клонилось к закату, а пылающая страсть, от которой освободился отшельник, сверкнула на небосклоне в виде красной зари. Лotosовые поля закрыли свои лепестки, как будто бы они также прониклись отвращением к жизни под влиянием того, что они слышали. Святой предложил мне провести у него ночь. Я согласился. Вместе мы помолились вечерней заре, провели вечер в подобающих серьезных разговорах, когда же он лег спать, я последовал за ним, и мы провели там ночь. Когда же загорелся пожар на горе востока и показалось солнце, превосходившее своим сиянием блеск золотых ветвей райского дерева, я распрощался с отшельником и пошел в город. По пути я увидел в стороне, недалеко от дороги, небольшую обитель монахов Джайнской секты и за оградой, в уединенном месте, в рощице ашоковых деревьев увидел одного монаха, сидящего, но вовсе не погруженного в сосредоточенное размышление, а изнемогающего от сильного горя, очень некрасивого, со страдальческим, бледным лицом. Ему на грудь падали капли слез с лица, покрытого массой размокшей грязи. Я подошел, присел недалеко от него и сказал:

— «Монах — и плачет! Если это не секрет, я бы желал узнать о причине твоих страданий?» Он отвечал:

— «Сын мой! Слушай! Я происхожу из этого самого города Чампы. Я старший сын купца Нозипалита, меня зовут Васупалита. Но вследствие моей некрасивой внешности, мне дано было прозвище Вирупак, т. е. «безобразный». Был же тут и другой молодой человек по имени Сундарак, т. е. «красавец», и он действительно красив, талантлив и ловок во всех искусствах, но не особенно богат. Между нами развилось соперничество, которое раздувалось еще городскими интриганами, старавшимися извлекать пользу из чужой вражды. Он гордился своей красотой, я — богатством. Раз как-то на праздничном собрании интриганы подстроили дело так, что мы обменялись колкостями, в которых звучало взаимное друг к другу презрение. Тогда они же сами бросились нас примирять, говоря: «Не красота

и не богатство дает значение мужчине, но настоящий мужчина тот, чья молодость привлечет к себе сердце первой из гетер. Поэтому тот из вас, которого полюбит Камаманджари, звезда среди гетер нашего города, тот пусть получит пальму первенства!» Так они решили, мы с этим согласились и послали к ней гонцов. Конечно, я, несчастный, оказался способным свести ее с ума от любви! Когда мы оба сидели рядом, она подошла ко мне, и, бросая на меня ряд страстных взоров, которые засяли, как ряд голубых лотосов, заставила моего соперника склонить от стыда голову.

Я возомнил себя счастливым и отдал в полное ее распоряжение мои деньги и мой дом, моих слуг, мое тело и мою жизнь. Она же обобрала меня так, что, кроме необходимого куска одежды, у меня ничего не осталось. Когда все, что я имел, было у меня взято, она меня бросила. Я стал мишенью для всеобщих насмешек. И вот, не будучи в состоянии дольше сносить упреки городских старейшин, я удалился из города сюда, в эту обитель Джайнов. Здесь один святой отшельник наставил меня на путь спасения, он увеличил еще более во мне чувство отвращения к мирской жизни (часто повторяя: «Кто побывал в доме гетеры, тому легко остаться при одной последней тряпке») (эти же слова имели и другое значение: «кто решил бросить свой дом, тот легко может бросить и последний кусок одежды»). Под его влиянием я перестал носить и последнюю тряпку, служившую мне одеждой (и сделался нищенствующим и нагим монахом). Но затем, под влиянием покрывающей всего меня грязи, страшной боли от выдергивания из головы волос, сильнейших мучений от голода, жажды и других ограничений, и раздраженный строгими правилами на счет того, когда и как стоять, сидеть, лежать, похожий на свежеспойманного слона, укрощаемого крепчайшими веревками и мучениями, я стал призадумываться. «Ведь по происхождению я благородный ариец, — думал я, — этот мой уклон в сторону еретического учения противоречит всем моим семейным традициям. Мои предки жили исключительно по тем правилам, которые предписаны священным писанием и священным преданием, а я (не ношу никакой одежды), имею позорный внешний вид, переношу всяческие страдания, беспрестанно должен слушать, что ни Вишну, ни Шива, ни Брами, ни прочие божества вовсе не существуют, и все это для того, чтобы после смерти или попасть в ад, или вообще ничего не достигнуть. Эта религия — суший обман. Меня до сих пор заставляли идти по пути безверия, как будто бы это была особая какая-то вера. Я смотрю на свой переход в чужую веру, как на ошибку, и, уединившись в этой рощице ашоковых деревьев, я проливаю обильные слезы».

ЗНАКОМСТВО С ДАНАМИТРОМ

Вслушав этот рассказ, я исполнился состраданием к рассказчику и сказал ему:

— «Друг! потеряв еще некоторое время, поживи пока здесь, в этом самом городе. Я же постараюсь повернуть дело так, что гетера сама возвратит тебе твои деньги. На это есть особые средства!»

После того, как я утешил его этими словами, он встал, и я, встав вслед за ним (пошел в город). Как только я очутился в городе, я из разговоров сразу понял, что город переполнен богачами, которые трясутся над своими деньгами. Я сообразил, что богатство не вечно, и тогда у меня родилась мысль (пограбить их и тем) привести их в более естественное состояние. Я решил пойти по пути, проложенному Каррисутом (автором научного трактата о воровстве). Не долго думая, я пошел в игорный притон и сошелся там с профессиональными игроками-шулерами. Тут я стал наблюдать за их необычайным искусством, во всех 25 приемах азартной игры, — за их страшно трудно уловимыми плутнями с фигурами, бросаемыми на поле, за устройством самого поля, за передергиванием руками и другими способами. Вследствие этих плутней все время слышны были упреки, сопровождаемые оскорбительными выражениями. Некоторые выходили из себя и угрожали жизни шулеров. Тогда вмешивался содержатель притона, и, применяя то дипломатию, то силу, то решительность, ему удавалось достигать соглашения, по которому выигравший получал-таки обещанную ставку. Тут пускались в ход мирные средства по отношению к сильным, угроза по отношению к слабым, искусно составлялась партия, путем всякого рода обманов доказывалось, что ставка была не та, а другая. Тут же выказывалось великодушие в раздаче выигранных денег, и при этом сыпались громкие восклицания и непристойные слова. Я жадно следил за этим и многим другим, что тут творилось, и мое (сердце игрока) не могло вдоволь насытиться всем этим зрелищем! Но вот, один из игроков случайно неверно сходил фигурой, и я невольно усмехнулся. Его противник, как бы желая сжечь меня своими покрасневшими от гнева глазами, посмотрел мне прямо в глаза и крикнул:

— «Ага! разве я не вижу, почему ты смеешься, ты учишь его, как следует играть! Но бог с ним, этим неумелым игроком! Вот ты, видать, опытный, я сначала хочу поиграть с тобой!»

Сразрешения наблюдавшего за игрою человека он переменил место. Я обыграл его на 16000 динариев. Половину этой суммы я поделил между содержателем игорного дома и его служебным персоналом, а другую половину оставил себе и встал. Когда я прекратил игру (и щедро рассчитался с хозяином), присутствующие игроки с интересом смотрели на меня и отзывались с одобрением. Снизойдя на усиленные просьбы хозяина, я тут же в его доме устроил роскошный, праздничный пир. А мой противник, который вовлек меня в игру (и которого я обыграл), по имени Вимардак, сделался самым близким мне другом, как бы вторым моим сердцем. Из его уст я разузнал о богатстве, занятиях и порядках всего решительно города. Однажды темною ночью, когда тьма была настолько густою, что, казалось, видишь перед собой темно-синее горло бога Шивы, я надел темную одежду, накинул на себя темного цвета плащ, опоясался острым мечом и, взяв с собою все инструменты для взлома и прочие принадлежности воровского искусства, вышел из дому. У меня были с собою и лопата, и свисток, и щипцы, и сделанная из дерева голова человека (для отвлечения

внимания при взломе), и магический порошок, и магическая лампа (при свете которой весь горизонт кажется наполненным ползущими змеями), и мерный шнур, и веревка с крюком, и коробка с мухам, летящими на свет (для незаметного тушения лампы), и многое другое. Прodelав дыру в стене дома одного известного богача, я через маленькое отверстие, величиной с щель в оконной решетке, внимательно рассмотрел все, что происходило внутри дома. Затем безо всякого затруднения я вошел туда, как в свой дом, и, забрав оттуда весьма значительный капитал, вышел на улицу. Вдруг блеснул какой-то свет. Казалось, то молния сверкнула из тучи посреди главной улицы, густо наполненной жирною тьмою, как будто массой черных туч. Передо мною внезапно очутилась неизвестная молодая женщина, сверкнувшая своими драгоценными украшениями. Казалось, то богиня покровительница города, разгневанная тем, что тут совершена кража, вышла на главную улицу в то время, когда на ней нет народа.

— «Голубушка, кто ты? куда направляешься?» — сказал я с сочувствием. Она дрожащим от волнения голосом отвечала:

— «О благородный! В этом городе живет один богатый купец, по имени Куберадатта, я его дочь. Как только я родилась, отец мой сразу же обещал отдать меня в жены некоему Данамитру, сыну здешнего же богатого человека. Но он оказался очень великодушен и щедр. После смерти своих родителей он, путем раздачи своих денег, приобрел от бедняков их собственную бедность и сделался таким образом бедняком сам. За это благодарный народ дал ему второе славное прозвище Ударак, т. е. «великодушный». Когда я подросла, он посватался за меня, но отец не отдает меня ему по той причине, что он беден, и хочет теперь меня отдать какому-то другому богатому коммерсанту, по имени Артапати, что значит «владелец богатств», что и соответствует действительности. Говорят, что эта несчастная для меня церемония должна состояться сегодня утром. Узнав об этом, я назначила свидание своему возлюбленному, обманула своих домашних и иду к нему в дом, по пути, по которому идет молодость, и в сопровождении волнующего душу бога любви. Поэтому прошу, не задерживай меня, возьми себе вот эту вещь». — С этими словами она сняла с себя драгоценное украшение и подала его мне. Я пожалел ее и сказал:

— «Иди за мной, моя хорошая! Я сведу тебя в дом твоего возлюбленного». — Мы пошли, но не успели сделать трех, четырех шагов, как наткнулись на значительный отряд городской стражи, вооруженной копьями и саблями. При этом густая тьма рассеялась от света их фонарей. Как только я их заметил, я сказал молодой девушке, которая задрожала от страха всем телом:

— «Не бойся, дорогая! В руке у меня меч (я бы мог сразиться с ними). Но во внимание к тебе, я придумал другой, мирный исход. Я буду лежать на земле, изображая предсмертные корчи человека, ужаленного змеею, а ты им скажи: «Мы вошли ночью в этот город; это мой муж, змея ужалила его вот тут, около угла этого общественного здания. Не умеет ли кто из вас заговаривать от змеяного укуса? Пусть он пожалеет

меня, вернет жизнь моему мужу и спасет также мою жизнь, иначе я останусь без супруга (и должна буду погибнуть)». Иного исхода не было. Молодая женщина прерывающимся от страха голосом, проливая потоки слез, дрожа всем телом, с большим усилием подошла к стражникам и сделала так, как я велел. Я же лежал, изображая человека, зараженного ядом. Тогда один из стражников, который воображал себя врачом, внимательно рассмотрел меня, стал действовать мистическими сложениями пальцев, магическими формулами, заговорами, молитвами и проч., но, не добившись никакого результата, сказал: «С ним все кончено! его ужалила смерть, во образе змеи. Действительно, тело заоченело и почернело, взор погас, совершенно прекратилось дыхание. Полно горевать, голубушка! Завтра тело его будет сожжено. Никто не может избежать своей судьбы!» Сказав это, он вместе со всею стражей удалился. Тогда я встал и отвел ее к Данамистру, «ее великодушному» жениху, и сказал:

— «Я простой вор! А она шла к тебе на свидание, при чем единственной охраной служило ей сердце, в тебя влюбленное. Встретив ее по пути, я пожалел ее и привел ее к тебе. Вот ее украшение!» — С этими словами, я передал ему ту вещь, которую она мне дала, при чем она рассекла окружающую густую тьму лучами своего блеска. «Великодушный» Данамир принял ее и обратился ко мне с речью, в которой слышались и стыд, и восторг, и смятение:

— «О, благородный! — сказал он. — Никто другой, как ты, даровал мне в эту ночь мою возлюбленную, но зато ты же отнял у меня дар слова. В самом деле, я не знаю, какими словами назвать то, что ты для меня сделал. Если я скажу, что «ты сделал почти удивительное», то это будет неверно, так как не может тебе показаться удивительным то, что для тебя является совершенно естественным! Если я скажу, что «этого никто еще никогда не делал», то этими словами ничего не будет сказано, так как ведь всякое дело имеет свое значение в себе самом (а не в сравнении с другими поступками): ведь не могут же у тебя быть чужие жадность и т. п. качества. (Важно не сравнение твоего поступка с другими, а то, что он представляет сам по себе). Скажу ли я, что «сегодня обнаружилось, какая в тебе была доброта», опять это не будет верно, так как это может быть несправедливым по отношению к прежним твоим великим подвигам! Скажу ли я, что «теперь я наконец увидел непосредственно само великодушие», опять я не могу этого сказать, так как, не зная твоих намерений, я не в состоянии решить (что ты сделал). Если я скажу, что «этим благодеянием ты купил меня, твоего отныне раба», то это будет звучать упреком в недостатке сообразительности, так как выйдет, что ты малоденную вещь покушаешь за страшно дорогую цену. Если же я выражусь так: «за то, что ты подарил мне мою невесту, я отдаю тебе себя самого» (то выйдет, что я готов одарить тебя тем, что также от тебя получил), так как, если бы я не получил своей невесты, я наверное умер бы, следовательно, ты также подарил мне и мою собственную жизнь. Но вот что будет совершенно верно, это то, что с сегодняшнего дня я становлюсь твоим слугой и отдаюсь под твое покров-

вительство!» — Закончив свою речь, он припал к моим ногам. Подняв его, я прижал его к своей груди и сказал:

— «Друг! что ты теперь будешь делать?» — Он отвечал:

— «Не могу я без согласия ее родителей жениться на ней и жить здесь. Поэтому я думаю этой же ночью покинуть эту страну. Но что значит мое мнение? Как ты прикажешь, так я и поступлю». — Тогда я сказал: — «Конечно это так: своя ли родина или чужая сторона, не все ли это равно для человека ловкого! Однако, вот в чем дело: невеста твоя очень нежное существо, путешествие же через пустынные местности утомительно и полно всяких опасностей. Кроме того, такое бегство, без крайней необходимости, представляется мне каким-то недостатком находчивости и смелости. Поэтому я полагаю: живите-ка вы оба с нею преспокойно здесь. Поди, отведи ее обратно к ней домой». — Тот без колебаний согласился, и мы тотчас же отвели ее обратно домой. Тут она, кстати, послужила нам в качестве соглядатая (через нее мы узнали все, что находилось в доме) и обокрали его до чиста. Остались там одни лишь глиняные горшки. Выйдя оттуда, мы сначала спрятали все награбленное в укромном месте и принялись затем бежать, так как показалась городская стража. В стороне у дороги оказался взбесившийся и лежавший связанным слон. Мы сбросили на землю сидевшего на нем погонщика и вскочили на слона. В то самое время, как я распутал веревку, привязывавшую обе передние его ноги к цепи на его шее, он, поднимаясь, ударил клыком в сторону лежавшего на земле погонщика и попал ему в мощную его грудь, после чего громадные клыки его оказались обвитыми его кишками. При помощи этого слона мы рассеяли отряд городской стражи. По дороге, мы воспользовались тем же бешеным слоном, чтобы повредить дом Артапати (второго жениха Кулапалики, дочери Куберадатты). Направив его затем в сторону, мы попали в какой-то запущенный сад и, подъехав к дереву, схватились за его сучья. Слон убежал, а мы спустились на землю. Затем мы вернулись домой, выкупались и улеглись на постель спать.

ВОЛШЕБНЫЙ КОШЕЛЕК

Между тем, из океана поднялся солнечный круг и засиял сначала красным светом, как корона из рубинов на величественной горе востока, а затем стал желтеть, как громадный букет золотых цветов райского дерева. Мы встали, умыли наши лица, совершили все утренние обряды и пошли блуждать по городу, который оказался в большом возбуждении по поводу краж, нами совершенных; мы слышали, как шумели у себя дома жены богачей. Между тем, Артапати возместил Куберадатте (которого мы обокрали) все, чего он лишился, и (в благодарность за это) тот назначил свадьбу своей дочери Кулапалики с ним через месяц. (Тогда я придумал такой план действий). Оставшись наедине с Данамитром, я стал наставлять его так:

— «Друг мой! Пойди-ка ты к царю Бенгальскому, и покажи ему наедине этот вот волшебный кожаный мешок, и скажи ему следующее: «Царь, ты

наверное знаешь меня, Данамитра, единственного сына Васумитры, который имел капитал в несколько десятков миллионов. Я потерял весь этот капитал, почему даже беднота стала меня презирать. Пока росла Кулапалка, дочь Куберадатты, она предназначалась в жены именно мне. Но когда я обеднел, то это оказалось таким страшным недостатком, что Куберадатта не хочет теперь отдать дочери мне, а отдает ее Артапати. В отчаянии, я решил покончить с собой. С этой целью, я удалился в запущенный пригородный парк и уже занес кинжал над горлом своим, когда меня остановил какой-то волосатый отшельник и спросил: — «Что побуждает тебя к этому отчаянному шагу?» Я отвечал: — «Бедность и ее родной брат обида». — Он, очевидно, пожалел меня и милостиво продолжал: — «Родной мой! ты неразумен. Нет большего греха, чем самоубийство. Хорошие люди умеют выходить из затруднений, не нанося самим себе вреда. Много есть различных способов приобретения денег, но нет ни одного способа, которым можно было бы приростить отрубленную от тела голову и вернуть себе жизнь. Какой смысл лишать себя жизни? Вот я обладаю волшебной силой заговоров. Благодаря ей, я создал этот вот волшебный кожаный мешок. По его милости, я продолжительное время прожил в Камарупе, давая людям все, чего бы они ни пожелали. Когда же подошла завистливая старость, я пришел сюда с намерением в этой именно стране спуститься в подземный рай. Возьми мешок себе. Свойства его таковы: кроме меня, он дает богатство только купцам и гетерам. Кроме того, тот, кто желает им пользоваться, должен возратить все неправильно нажитое тем, от кого оно получено, а правильным путем нажитое раздать богам и брашмам. После этого надо поместить мешок на чистом месте и молиться, и почитать его, как божество. Тогда он каждое утро окажется наполненным золотом. Вот закон (его действия)». — Я сложил ладони и поклонился ему, а он передал мне вот этот мешок и затем проник в какую-то щель между камнями и ушел под землю. Я решил, что не имею права пользоваться этим волшебным мешком, без ведома правительства, и потому принес его сюда. Дальнейшее зависит от тебя, царь!» На это он наверное ответит так: «Друг мой, я очень рад, ступай и пользуйся своим мешком, сколько хочешь». Тогда ты опять обратишься к нему с просьбой сделать распоряжение, чтобы никто не смел украсть его. И на это он, несомненно, согласится. После этого ты вернись домой, раздай все свое имущество, согласно указанному правилу, днем постоянно оказывай мешку всяческое почтение, ночью наполняй его украденными деньгами, а утром будешь показывать его народу. Тогда Куберадатта, жадный на деньги, ни во что не будет ставить Артапати, и сам предложит тебе свою дочь. Однако, раздосадованный этим и гордый своим богатством, Артапати начнет против тебя враждебные действия. Мы же в ответ сумеем всякими способами достичь того, что у него, кроме необходимого куска одежды, никакого имущества не останется. А наши грабежи, благодаря этой именно уловке, останутся покрытыми глубокой тайной». — Данамитр был в восторге от этой выдумки и начал действовать так, как ему было сказано.

В этот самый день Вимардак (с которым я познакомился в игорном доме), по моему наущению, поступил на службу к Артапати и стал, согласно моим указаниям, еще более разжигать вражду его к «великодушному» Данамитру. Жадный на деньги Куберадатта, отвернувшись от Артапати, очень охотно сам стремился отдать свою дочь замуж только за Данамитра. Артапати же стал всячески этому противодействовать.

ЖЕНИТЬБА НА РАГАМАНЬДЖАРИ

В эти самые дни было объявлено, что младшая сестра Каманьяджари, по имени Рагаманьяджари, дает концерт с танцами в зале городских собраний. Узнав это, избранная городская публика с большим интересом собралась слушать ее; очутился и я там, вместе с моим другом Данамитром. Когда же Рагаманьяджари появилась на сцене и начала танцевать, то сердце мое обратилось во вторые подмостки, на которых она также заплясала. Кокетливые взоры ее черных глаз обратились для меня в поле голубых лотосов, под которым, спрятавшись, притаился бог любви. Вооружившись всей массой чувств и настроений, он принялся меня терзать выше всякой меры. Она же предстала передо мной как богиня покровительница города, разгневанная на меня за все кражи, которые я только что произвел, и заковала меня за это в цепи, состоящие из верениц ее страстных взглядов, которые она бросала во все стороны и которые появлялись, образуя как бы ряд темных лепестков голубого лотоса (походивших на черные звенья цепей).

Окончив танец, она вся заблестала от достигнутого успеха, и что тут случилось, я просто не знаю: не то от кокетства, не то от овладевшего ею чувства, не то неизвестно почему, она незаметно для окружающих ее танцовщиц, направляя глаза в мою сторону и кокетливо приподняв тонкие линии бровей, несколько раз взглянула прямо на меня, затем, раскрыв рот и показывая ряд белых, как лунный свет, зубов, она, улыбнувшись, сделала мне знак и, провожаемая глазами и сердцами публики, удалилась со сцены. Я же вернулся к себе домой, поглощенный страстью, с которой я не мог бороться. Под предлогом сильной головной боли я уединился. Чувствуя усталость и слабость во всем теле, я прилег на постель и лежал неподвижно. Тогда Данамитр, который был глубоким знатоком в делах любви и теоретически изучил науку о ней, подошел ко мне и стал мне таинственно шептать:—«Друг! счастлива в самом деле эта молодая гетера! счастлива тем, что твое сердце так к ней привязалось. Я хорошо заметил, куда влечет чувство. Пройдет немного времени, и бог любви заставит ее страдать на ложе из его стрел. Так как вы подходите друг к другу, то ваша взаимная любовь, направляемая на достойные друг другу лица, легко разрешится тем, что вы сойдетесь. Но вот что я слышал и что нужно иметь в виду. Хотя Рагаманьяджари и принадлежит к касте гетер, но она не во всем следует законам своей касты. Ее благородное сердце полно высоких намерений, и она объявила: «Я отдам себя не за деньги, а за достойного человека! Ему я отдам руку. Иначе, как путем замужества, никто не насладится моей моло-

достью!» Ее старшая сестра Камаманьджари и мать Мадавасена много раз старались удержать ее от такого решения, но, не достигая никакого результата, решились, в конце концов, обратиться к царю, и, удерживая подступившие к горлу слезы, они обе стали ему жаловаться: — «О, царь! твоя верноподданная Рагаманьджари отличается всеми достоинствами: ее талант, ее характер, ее познания не уступают ее красоте, мы очень сильно надеялись, что благодаря ей все наши желания получат осуществление. Эта надежда теперь в корне подрезана. Она, пренебрегая законами своей касты, отказывается от денег и желает отдать свою молодость только достойному человеку. Она непоколебимо желает следовать только примеру честных женщин. Если ты, царь, всемилоостивейше распорядишься о приведении ее в прежнее состояние, то окажешь нам этим трогательное внимание». — Вследствие этой просьбы, царь старался повлиять на Рагаманьджари, уговаривая ее подчиниться своей семье, но она осталась совершенно непреклонна. Тогда ее сестра и мать опять обратились к царю и не переставая рыдать сказали: — «Если какой-нибудь ловелас, помимо нашего согласия, обманет и погубит нашу молодую красавицу, то пусть он будет осужден как за воровство и казнен». — Царь на это согласился и такое распоряжение сделал. При таком положении дела семья ни за что не согласится отдать ее иначе как за деньги, она же никогда не согласится связать себя с тем, кто за нее даст деньги! Следовательно, чтобы добиться успеха, нужно тут придумать какую-нибудь хитрость!» — В ответ на эти слова Данамитра я сказал:

— «Чего тут думать! Ее мы увлечем своими достоинствами, а семью тайком удовлетворим деньгами!» — Тогда я завел дружбу с некоей Дармаракшикой, буддийской монахиней, которой Камаманьджари преимущественно пользовалась для посылок. Одарив ее одеждой, пищей и другими подарками, я привлек ее на свою сторону и чрез ее посредство заключил с этой жадной гетерой тайный торг:

— «Я обязуюсь украсть у Данамитра волшебный кошелек и отдам тебе, если в ответ на это получу Рагаманьджари».

Она согласилась, и дело устроилось. Она получила волшебный кошелек, а Рагаманьджари, которой я сумел страшно понравиться, вышла за меня замуж. И вот, вечером накануне той самой ночи, в которую по нашему соглашению я, якобы, должен был украсть кошелек у Данамитра, мой тайный агент Вимардак, который тем временем подружился с Артапати и выдавал себя за его домашнего друга, в присутствии старейшин города, собравшихся по другому поводу, но слышавших его слова, стал громко поносить и угрожать Данамитру. На это тот отвечал: — «Друг мой! тебе-то что за дело? Из-за чужого дела ты меня тоже ругаешь! Я не припомню, чтобы я когда бы то ни было сделал тебе хотя бы малейшую неприятность!» — Но Вимардак, продолжая угрожать, сказал: — «Вот это называется гордиться своим богатством! Чужую жену, за которую уже был заключен выкуп, ты, соблазнив ее родителей деньгами, хочешь взять себе! И еще спрашиваешь, сделал ли ты мне когда-либо неприятность! Разве не всем известно, что Вимардак и коммерсант Артапати одно и то же? За него я отдам жизнь. За него

не остановлюсь, если нужно будет, перед убийством брамина! Стоит мне не поспать одну ночь, и я сумею расправиться с твоим лихорадочным высокомерием, основанным на обладании волшебным кошельком!» — Как только он произнес эти слова, городские старейшины, услышав их, гневно приказали ему замолчать и прогнали его прочь.

Об этом происшествии Данамитр доложил царю. Сначала он с приторным горем рассказал об исчезновении волшебного кошелька, а затем под этим предлогом (намекнул на то, что Вимардак похвалялся украсть его, очевидно, для того, чтобы передать Артапати). Тогда царь пригласил к себе Артапати и стал его расспрашивать: — «Скажи-ка! есть у твоей милости какой-то друг, Вимардак по имени?» — Он же, ничего не подозревая, ответил: — «Есть, царь! Это мой лучший друг! Разве он тебе нужен?» — На это царь сказал: — «А можешь ли ты его призвать сюда?» — «Конечно, могу!» — отвечал Артапати и пошел за ним. Но ни в своем доме, ни в квартале, населенном гетерами, ни в игорных домах, ни на базаре, нигде не мог его найти, несмотря на самые тщательные розыски. Да и как было найти этого прожженного человека? Я ведь в тот же день отправил его в Уджаини, сообщив ему признаки, по которым он мог тебя, царь, узнать и поручил ему тебя разыскивать. Артапати же, не найдя его и боясь, что совершенная им кража кошелька будет приписана ему самому, не то по глупости, не то из страха стал все отрицать и впал в противоречия. Когда же Данамитр восстановил все факты, царь разгневался, приказал его схватить и заковать в цепи.

В эти самые дни Камаманьджари, намереваясь использовать волшебный кошелек тем способом, который был непрменным правилом для его действия, секретно пришла к Вирупаку, которого она обобрала раньше и превратила в нищего. Она вернула ему все вещи и деньги от него полученные и весьма скромно, со многими извинениями, вернулась домой. Под моим влиянием он, хотя с большим трудом, освободил свою душу от дьявольского навождения аскетических учений, и весьма довольный вернулся в лоно своей собственной касты.

Между тем Камаманьджари, в надежде воспользоваться чудодейственным кошельком, в несколько дней раздала все свое имущество и осталась в обладании одного лишь только домашнего очага. Тогда Данамитр, по моему поручению, секретно донес царю следующее: — «Царь! гетера Камаманьджари, которую весь свет порицал за жадность, говоря, что ее нужно называть не Камаманьджари, т. е. «цветок любви», а Лобаманьджари, т. е. «цветок жадности», теперь без всякого сожаления раздает все свое имущество и даже домашнюю утварь вплоть до ступки и ручных жерновов. Я подозреваю, что причина этого то, что в ее руки попал украденный у меня чудодейственный кошелек; ведь правило, которому подчинено его действие, заключается в следующем: он действует только в пользу купцов и гетер, но не в пользу людей прочих каст. И это его свойство известно. Поэтому-то мое подозрение и падает на нее». — Тотчас же царь призвал ее к себе вместе с ее матерью. Я же, представившись побледневшим от испуга, тайком пробравшись к ним, сказал:

— «Вот что, уважаемая! Очень уж ты открыто роздала все свое имущество. Наверное на тебя падет подозрение в краже волшебного кошелька.

Царь вызовет тебя для допроса по этому делу. И если он настойчиво и повторно будет у тебя выпытывать, дело наверное кончится тем, что ты выдашь меня и укажешь на меня, как на источник, откуда ты получила волшебный кошелек. Затем я несомненно буду казнен. Если же я умру, то и сестра твоя меня не переживет, ты теперь останешься нищей, а волшебный кошелек перейдет в обладание Данамитра. Итак, это несчастье со всех сторон связано с дальнейшими превратностями. Нельзя ли придумать против него какое-нибудь средство?» — Тогда она и мать ее расплакались и сказали:

— «Правда, правда! По нашей глупости тайна наша почти совсем открыта. Царь будет допрашивать настойчиво. Два, три или четыре раза мы ответим отрицательно, но в конце концов наверное укажем на тебя, как на источник украденного кошелька. А раз ты будешь выдан, все наше семейство будет разорено! Между тем, сильное подозрение в совершении кражи уже лежит на Артапати, а связь этого дрянного человека с нами известна по всей столице Бенгальской. Поэтому лучше сказать, что кошелек мы получили от него, и спасти себя таким путем от всех угрожающих нам бед».

Заставив меня согласиться, они вдвоем пошли во дворец. На вопрос царя они отвечали: — «Царь, не принято, чтобы семья гетеры указывала на того, от кого она получает деньги. Ведь мужчины не тратят честным путем заработок на продажных женщин!» Царь же несколько раз настойчиво требовал сознания, затем стал их пугать казнями, намекал на то, что им отрежут носы и уши. Тогда эти прожженные дряни указали на того же несчастного Артапати, и он был уличен в краже.

Разгневанный царь намеревался уже наказать его лишением жизни, но тот же Данамитр удержал его от этого. Представ перед ним со сложенными в знак просьбы ладонями, он сказал: — «Владыка! цари из династии Маурья даровали эту привилегию купцам: за подобные преступления они не подвергаются смертной казни. Если ты разгневался, то лиши этого преступника всего его имущества и удали его в изгнание». — Вследствие этого поступка слава о Данамитре (которого и раньше называли Удараком, т. е. великодушным) сильно распространилась. Остался таким великодушным доволен и царь. Артапати же, столь гордившийся своим богатством, был изгнан из города перед лицом всех горожан (почти голый), имея, как остаток от всего своего имущества, лишь только старую тряпку, вместо одежды. Некоторая часть его имущества была милостиво подарена царем, по совету Данамитра, несчастной Камаманьджари, которая под ложным обаянием волшебного кошелька лишилась всего своего имущества. Данамитр же (разделавшись таким образом со своим соперником) и, выждав счастливый день, обвенчался с Кулапаликой. Когда таким образом весь мой план увенчался успехом, я наполнил дом моей жены Рагаманьджари золотом и драгоценными камнями.

И вот, в этом городе дело окончилось тем, что вся богатая и жадная на деньги знать была мною до такой степени обокрадена, что должна была в конце концов стоять, прося милостыню, перед домами бед-

поты, превратившейся в богачей, благодаря деньгам тех же самых прежних богачей (которые я у них отнял) и роздал прежним беднякам.

Однако, видно, как бы ни был талантлив человек, он не в состоянии переступить через грань, предначертанную ему судьбою. Но вот это случилось. Однажды я должен был заняться успокоением ревности жены моей Рагаманьджари, и любовно угощал ее вином. Она же, набирая полный рот вина, ласково переливала мне из губ в губы глоток за глотком, так что я почувствовал опьянение. И таково уже свойство как сумашествия, так и опьянения, что люди в этих состояниях бросаются на те дела, к которым они привыкли, даже и тогда, когда это вовсе не уместно. В силу этого я, в состоянии совершенного опьянения, воскликнул:—«В одну только ночь я превращу весь этот город в нищих и наполню твой дом богатством всего города».

Не обращая внимания на сотни клятвенных заверений, просьб и поклонов перепугавшейся моей возлюбленной, как бешеный слон, в порыве порвавший цепи, сопровождаемый только одной старою мамкою по имени Шрингалика, без всякого особого снаряжения, вооруженный лишь одним мечем, я с величайшей поспешностью бросился воп из дому и сразу наскочил на отряд городской стражи, который шел прямо на меня. Без всякого страха я вступил с ними в борьбу. Они, подумав, что я вор, бросились на меня. Я же сравнительно спокойно, как бы играя, ранил двух или трех стражников, но затем меч выпал из моей ослабевшей от опьянения руки и я, пораженный, вращая покрасневшими глазами, упал на землю. Тотчас же Шрингалика, испуская жалобные вопли, подошла ко мне. Тем временем враги мои меня связали. Несчастье изгоняет хмель, и я сразу пришел в себя. Моментально счастливая мысль осенила меня, и я стал рассуждать: «О горе! то что случилось благодаря моему безрассудству, есть великое несчастье! Всем известна моя дружба с Данамитром и моя женитьба на Рагаманьджари. Моим преступлением и они будут задеты, завтра, несомненно, и они будут арестованы. Поэтому вот что мне приходит в голову. Если бы мой план удался, то по моей инициативе оба они будут спасены. Быть может, он поведет также и к моему спасению». Установив про себя определенный план действий, я вслух сказал Шрингалике:— «Убирайся прочь, старуха! Будь ты проклята! Это ты свела меня с жадной и прожженной гетерой Рагаманьджари через посредство Данамитра, притворившегося моим другом, в действительности моим врагом! Он сходил с ума из-за желания обладать волшебным кошельком. Пусть меня казнят, но я с радостью расстанусь с жизнью, после того, как я лишился преступного Данамитра волшебного кошелька и отобрал от твоей дочери все ее драгоценные украшения!»

Старуха была в высокой степени сообразительна, и поняла сразу мой намек. Со слезами, прерывистым голосом, молитвенно сложив ладони, она с поклонами обратилась настойчиво к стражникам. Стараясь расположить их к себе, она при мне стала их упрашивать:— «Дорогие мои! подождите минутку, пока я спрошу у него обо всем нашем имуществе,

которое он украл». — Получив от них разрешение, она снова подошла ко мне и сказала: — «Милый! прости Рагаманьджари, твою покорную слугу; это ведь одно единственное ее преступление. Пусть Данамитр привлечет на себя весь твой гнев, он, конечно, обесчестил твою жену, но не забудь, как долго и верно тебе служила твоя верная раба Рагаманьджари. Она заслужила того, чтобы ты ее простил. Драгоценности ведь составляют весь капитал женщины, которые живут на счет своей красоты. Скажи поэтому, куда ты спрятал ее драгоценности!» — При этих словах она упала к моим ногам. Сжалившись над ней, я сказал следующее: — «Пусть будет так! Стоит ли мне преследовать ее своею злобой, когда мне грозит смерть!» — И делая вид, что я говорю ей, куда спрятаны драгоценности, я стал на ухо сообщать ей свой план (спасения). Поступай так-то и так-то, говорил я. Она же, сделав вид, что достигла своей цели, воскликнула: — «Живи дольше! Да будут боги к тебе милосердны! Но пусть его величество, царь Бенгала, который так ценит мужество, освободит тебя! Пусть и эти добрые люди пожалеют тебя». — С этими словами она моментально удалилась. Я же, по приказанию начальника отряда городской стражи, был отведен в тюрьму.

ТЮРЬМА

На другой день меня посетил в тюрьме начальник полиции. Это был молодой человек по имени Кантоп, только что занявший должность по наследству после смерти отца; не вполне еще созревший человек, с юношеским самомнением, считавший себя очень популярным и много мнявший о своей наружности. Войдя, он без видимой причины выругался, а затем обратился ко мне: — «Если ты не вернешь владельцу украденный у Данамитра волшебный кошелек, или если ты не вернешь обитателям города украденные у них вещи, то ты познаешь все восемнадцать видов пытки вплоть до самой последней, а затем увидишь лицо смерти».

Я же в ответ улыбнулся и сказал: — «Если бы даже я вернул все то, что я с самого своего рождения накрал, я все-таки не хотел бы осуществить надежду Данамитра, который под личиной друга был моим врагом и отнял жену у Артапати, на возвращение ему волшебного кошелька. Я ни за что его не отдам и готов скорее перенести тысячи пыток. Это мое весьма твердое решение». — И затем в том же самом порядке происходил ежедневно мой допрос. То он меня уговаривал, то угрожал. Между тем я, получая соответствовавшие моему состоянию пищу и питье, в несколько дней вылез из раба, и ко мне вернулось прежнее мое здоровье.

Затем как-то однажды, когда день склонялся уже к вечеру и блеск солнца побагровел, как верхняя одежда всеспялого бога Вишну, посетила меня Шрингалика, с радостным лицом, в новой, красивой одежде. Оставив сопровождавших ее людей в отдалении, она подошла ко мне и сказала: — «О благородный! я поздравляю! Твой план оказался хорошим, и он удался. Как ты мне приказал, так я и поступила, я обратилась к Данамитру и сказала ему следующее: — «О, благородный Данамитр! вот в какую беду попал

твой друг. Он велел тебе передать, что сегодня он под влиянием опьянения, до которого легко дойти, когда вращаешься в обществе гетеры, оказался заключенным в тюрьму. Ты же ничего не бойся, ступай прямо к царю и говори ему так: «О царь! по твоей милости я уже прежде раз получил обратно волшебный кошелек, который Артапати у меня украл. Но вот какой-то опытный шулер, супруг гетеры Рагаманджари, человек необыкновенно ловкий в разного рода искусствах, к тому же талантливый стихослагатель и знаток практической жизни, сумел ко мне подделаться и стал моим другом. Знакомство с ним повело к тому, что я стал ухаживать за его женой и ежедневно посылал ей подарки, платья, драгоценности и т. п. И вот этот плут в низкой своей душе заподозрил мои намерения. Разгневавшись на меня, он похитил у меня волшебный кошелек и ящик с драгоценностями своей жены. Продолжая скитаться по городу в целях совершения краж, он был схвачен городской стражей. Когда он очутился в таком незавидном положении, то к нему со слезами на глазах подошла служанка Рагаманджари. Под влиянием старого к ней расположения он выдал ей место, куда он запрятал ящик с драгоценностями. Теперь я прошу тебя, о царь! всемилостивейше распорядись поступить так, чтобы он путем искусной политики был вынужден вернуть мне волшебный мой кошелек». Если представить царю дело в таком виде, то он не лишит его жизни, а будет стараться путем уговоров заставить его вернуть тебе твоё достояние. А это как раз то, что нам требуется!» — Как только он это услышал, то, доверяя твоему уму, он не особенно перепугался, а поступил так, как было ему сказано. Затем я, следуя указанному тобою пути, завела дружбу с некой Мангаликой, бывшей нянькой царской дочери, которую зовут Амбаликой. От Рагаманджари я, на основании сообщенного тобою условного знака, получала все, что хотела, и подносила эти вещи царской няньке. Пользуясь ею как посредницей, я добилась того, что между Рагаманджари и царской дочерью Амбаликой завязалась теснейшая дружба. Принося ей ежедневно все новые и новые подарки, рассказывая ей о всяких происшествиях, а также рассказывая пленявшие ее воображении повести, я сделалась ее наперстницей.

Однажды произошла такая сцена. Царская дочь находилась на верхней террасе дворца. Я подошла к ней и поправила цветок лотоса, который она носила в виде украшения за ухом, хотя он и был совершенно на своем месте. При этом я сделала вид, что благодаря моему неловкому движению цветок упал на пол. Я подняла его. В это самое время смотритель тюрьмы Кантак по какому-то делу находился во дворе дворца и подошел к стенам женской половины. Тогда я сделала вид, что хочу разогнать парочку голубей, которые занялись взаимною любовью, рассмеялась, бросила как бы в них цветком, но попала им как раз в тюремного начальника. Он почувствовал себя необычайно счастливым и поднял кверху свое улыбающееся лицо. Царская дочь рассмеялась моей шутке, а я незаметным образом ловко сделала ему такой знак, чтобы он мог вообразить, что движения царевны, которые действительно имели очень кокетливый вид,

вызваны чувством, которое он ей внушал. Бог любви, в мечтах рожденный, натянул свой лук и рапил тюремщика стрелой, с отравленным наконечником. Совершенно одураченный, он долго не мог уйти из дворца домой. В тот же день вечером я взяла корзиночку с вензелем царевны, положила в нее надушенные пакетики из специй, завернутых в листья бетелевой пальмы, два шелковых платка и кое-какие драгоценности, велела девочке нести ее за собой и пришла в дом Кантака, говоря что эта корзина будто содержит подарки для Рагаманьджари от царевны. Он утонул в глубоком океане любви. Увидав во мне корабль спасения, он страшно обрадовался. Я стала ему расписывать страшное любовное томление царевны и он, глупец, окончательно лишился ума, стал просить меня (чтобы я и ему принесла от царевны такие же вещи, какие она посылает Рагаманьджари), и на следующий день я принесла ему красной помады, состоявшей, в действительности, из остатков от бетелевых пакетиков, которые я сама жевала, и цветы увядшие, и грязный шелковый платок.

Его же ответные подарки я принимала якобы для того, чтобы передать их царевне, в действительности же бросала их, конечно, незаметно для него. Когда этим путем он был доведен до такого состояния, что совершенно сгорал от любви, я, оставшись с ним наедине, стала его уговаривать: — «О благородный! — говорила я, — признаки, которые я вижу на твоём теле, не могут ничего обмануть. Дело в том, что один прорицатель, живущий по соседству со мною, сделал такое указание: «Царская власть в этой стране попадет в руки Хансона, таковы признаки на его теле». Вот согласно с этим и случилось то, что царская дочь в тебя влюбилась. У царя же, кроме нас, нет других детей. Когда он узнает о любовной ее связи с тобой, он, конечно, разгневется; но из боязни, что дочь его может умереть, он тебя не лишит жизни, а, наоборот, сделает тебя своим наследником. И вот, таким образом одна счастливая случайность будет иметь своим последствием другую. Скажи, дорогой мой, разве все это не чудесно? Если же ты не имеешь другого способа проникнуть в комнаты царевны, то ведь расстояние между стеною тюрьмы и стеною сада (примыкающей к женской половине) не превышает трех саженей. Ты можешь заставить какого-нибудь ловкого человека из числа служащих в тюрьме прокопать подземный ход. А раз ты попадешь в сад, то уже дальнейшая забота о твоей безопасности будет лежать на мне. Приближенные царевны очень ей преданы и ни за что не выдадут тайны». На это он ответил: — «Верно, дорогая! Я понял! Есть у меня в тюрьме один вор, в деле копания подземных ходов он равен любому из сыновей Сагара ¹⁾. Если его заинтересовать в этом деле, то он моментально устроит это дело». — «Кто это такой, — спросила я, — отчего же ты его не привлечешь на свою сторону!» — «Это тот

¹⁾ Сагара — мифический царь, имевший 60.000 сыновей и принесший 99 жертв. Сотая же жертва была расстроена тем, что бог Индра похитил жертвенного коня. Разыскивая его, 60.000 сыновей Сагара сначала не могли найти его на земле и тогда принялись копать подземный ход в ад.

самый вор, который украл известный волшебный кошелек у Данамитра». — Таким образом он прямо указал на тебя. — «Если это тот, — сказала я, — то принимайся за дело, заключи с ним клятвенное условие, что ты каким бы то ни было способом, но освободишь его, как только он исполнит порученное ему дело. А когда дело будет сделано, ты снова посадишь его в тюрьму и доложишь царю, что ты всякими способами старался уговорить вора указать местонахождение волшебного кошелька, но он страшно упрям и до такой степени сильно ненавидит Данамитра, что ни за что не хочет этого сделать. После того ты замучаешь его пытками и казнишь. Таким образом, цель будет достигнута и тайна сохранена». — Весьма обрадованный он со мною согласился и мне же поручил переговорить с тобой, заинтересовать тебя в деле. Он стоит за дверьми. Что дальше делать, ты рассуди сам».

Я был весьма доволен всеми действиями Шрингалики и сказал: — «Исключительно благодаря твоей ловкости достигнут столь значительный результат! Мои слова не много значат! Приведи его!» — Она привела начальника тюрьмы, и тот клятвой подтвердил обещание освободить меня, я же поклялся никому не выдавать тайны. Я был освобожден от цепей, получил возможность вымыться, поесть и умастить свое тело мазью, после чего я принялся за работу и проделал лопатой подземный ход, начав его в том углу тюремной стены, который вечно был погружен во мрак. Во время работы я размышлял так: «он конечно поклялся меня освободить, а в уме имеет меня убить. Поэтому если я его убью, то ко мне не пристанет грех ложной клятвы». И вот, когда я вышел обратно из проделанного мною подземного хода и когда он протянул руки, чтобы вновь надеть на меня цепи, я ногою ударил его в грудь и, когда он упал, выхватил у него его же меч и отрубил ему голову. Затем я стал расспрашивать Шрингалику. — «Скажи, дорогая, как расположены комнаты терема. Я не хочу, чтобы вся моя большая подземная работа была сделана напрасно. Я что-нибудь там уташу и вернусь!» — Она рассказала мне, где расположена спальня царевны. Я проник туда, и вот что представилось моим взорам. Светильники из драгоценных камней бросали свой свет, кругом лежали, заснув, усталые после всякого рода забав, подружки царевны, она же лежала на ложе, ножки которого были выточены из слоновой кости в виде спящих львов и украшены массивными драгоценными камнями. Постель была из лебяжьего пуха, по краям ее были разбросаны цветы. Царевна лежала на боку так, что (правая нога была закинута на левую и) подошва правой пятки касалась верхней поверхности левой ступни, ее нежные щиколки были слегка повернуты друг к другу, ее икры взаимно переплетались, ее нежные колени были слегка согнуты, слегка согнуты также были и обе верхние части ее ног, одна рука грациозно и свободно падала на ее тело, а другая, с распростертыми нежными пальчиками, была согнута и подложена под голову, ее округлые задние части были немного согнуты, легкая шелковая нижняя одежда плотно примыкала к ее телу, ее небольшой живот едва выдавался, ее крепкие груди, как нераспустившиеся еще цветоч-

ные почки, подымались от глубокого дыхания, большой рубин, прикрепленный на цепочке из чистейшего золота, виднелся на ее прелестной, немного согнутой шее, украшение, висевшее на ее нежном ухе, виднелось на половине, так как оно было прикрыто прелестной формой самого уха, зато другое ее ухо, обращенное кверху, было увешано драгоценным украшением, которое пучками своих лучей бросало красный отблеск на ее косички, — переплетаясь в беспорядке, они свободно ложилась на ее голову. От ее лица исходил такой сильный блеск, что едва можно было различить розового цвета отверстие между верхней и нижней ее губой. (Кожа на ее щеках была гладка, как зеркало). Пальцы руки, прижатой к нижней щеке, оставили на ней отпечаток, и казалось, что это отражение тех украшений, которые висели на ухе, а гладкая как зеркало поверхность щеки, обращенная кверху, была как бы разрисована арабесками, которые представляли собою отражение цветных завесей, висевших над кроватью, ее (продолговатые, похожие по форме на лепесток лотоса) глаза были сомкнуты, похожие на ленты линии бровей были неподвижны, значек, нарисованный на лбу сандаловой мазью, разошелся и потерял форму под влиянием капель пота, которые выступили на ее лице. Отдельные пряди ее вьющихся волос падали на ее лицо, (по живительному блеску своему) походившее на луну. Она спала в полной невинности на боку, на половине утопая в совершенно белом верхнем покрове постели. Она напоминала молнию, которая после продолжительного мерцания, усталая, как бы легла на подушки, состоявшие из (светлых) осенних облаков.

В таком положении я увидел царскую дочь. Не успел я осмотреть ее, как во мне вспыхнула страстная любовь к ней, я стал осторожен, всякое желание похитить у нее что-либо пропало у меня, прежде всего потому, что она сама успела похитить мое сердце. Не зная что делать, я на минуту приостановился и подумал: «Если я не добьюсь любви этой замечательной красавицы, то бог любви, друг весны, не позволит мне долее оставаться в живых. Если же без предварительного ее согласия я обниму ее, то она, будучи очень молода, испугается, подымет крик, и, ясное дело, все мои надежды будут разбиты, и сам я погибну». Но вот какой я придумал выход. Взяв дощечку из слоновой кости, на которую нанесен был слой смолистой пасты, и из лежавшей тут же драгоценной шкатулки — кисть, я написал ее портрет в той позе, как она лежала на постели, и прибавил свой собственный портрет, в позе человека, припавшего к ее ногам. Внизу я подписал такие стихи:

Простирая к тебе руки в мольбе,
Я, вот этот верный твой раб,
Прошу тебя:
Спи, дорогая, но не так, как теперь!
Спи, отдыхая в объятьях моих,
Спи, отдыхая от ласки любви!

Затем из золотой шкатулочкн я взял надушенный бетелевый паке-тик ¹⁾, кусочек камфары и немного душистого экстракта «катеху»; пожевав все это, я воспользовался красной слюной и нарисовал на белой стене утку и селезня (за ней ухаживающего). После того я обменялся с нею коль-цами и едва-едва мог заставить себя удалиться. Вернувшись подземным ходом в тюрьму, я нашел там сотоварища по заключению, одного из выдаю-щихся граждан города, по имени Снихагоша, с которым в последние дни подружился, и, рассказав ему все обстоятельства, при которых я убил начальника тюрьмы Кантака, я прибавил:

— «Итак, ты можешь выдать всю тайну (о том, как Кантака возна-мерился овладеть сердцем и рукой царской дочери) и этим путем можешь получить освобождение». — Затем вместе с Шрингаликой я вышел оттуда. Но на главной улице мы наткнулись опять на отряд городской стражи, и она меня хотела схватить. Я подумал: «Конечно я в состоянии убежать достаточно быстро, чтобы они меня не смогли поймать. Но тогда они схватят несчастную эту старуху. Поэтому вот мой план». Быстро бро-сившись прямо им навстречу, я остановился перед ними, повернулся к ним спиной, загнул назад плечи и руки и сказал:

— «Если я вор, то вяжите меня, дорогие мои! это ваше дело, а не дело этой старухи!» — Этих слов моих было достаточно, чтобы Шрингалика раз-гадала мой план. Она подошла к стражникам с поклонами и сказала:

— «Дорогие мои! это мой сын, он сходил с ума, долго я его лечила, только вчера ум его как будто прояснился, и он стал совершенно здоров. Во мне явилась надежда (на полное выздоровление), я взяла его из тюрьмы, дала ему вымыться, умастить тело душистой мазью, надела на него пару новой одежды, накормила его молоком и выпустила на волю, так что он мог спать и проводить день, где хочет. Но ночью с ним опять случился припадок сумасшествия. Он вдруг стал кричать: «Я убью Кантака и буду наслаждаться любовью дочери царя!» Вырвавшись со страшною поспеш-ностью, он бросился бежать по главной улице. Увидав, что сын мой в таком состоянии, я теперь, в такое время, бегу за ним. Будьте милостивы, свяжите его и отдайте мне». — Не успела она произнести с рыданиями эти слова, как я воскликнул:

— «Старуха! разве бог ветров был когда-либо связан! Разве эти вороны могут схватить меня — ястреба? Простите мне мой грех!» — и побе-жал. Тогда стражники принялись ругать старуху, говоря:

— «Сама ты с ума сошла, если выпустила на волю такого человека, думая что он уже здоров! Кто теперь его поймает?» — Сопровождаемая насмешками стражников, она рыдая побежала за мной. Я же вернулся

¹⁾ Любимый десерт у индусов и по сие время, употребляемый ими после еды, а также и во всякое другое время дня, и при работе, и для препровождения времени. Он состоит из кусочков ореха «арека» и разных других, специально завернутых в ли-сток бетелевой пальмы, вместе с кусочками камфары и кусочками душистого дерева «катеху». Такие бетелевые пакетики продолжительно жуются, образуя красную слюну. Все эти острые вещества и готовые пакетики всегда имеются в особых шкатулочках.

домой к Рагаманьджари и провел там остальную ночь, утешая ее всякими способами, так как удрученная долгим моим отсутствием она находилась в страшном волнении. На утро же я нашел своего великодушного друга Динамитра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(После всех этих приключений я опять вернулся к старцу Марпчи). Он тем временем совершенно избавился от тяжелых последствий своей несчастной любви к гетере. С увлечением занялся он вновь религиозными подвигами, приобрел вновь прежние свои силы и, между прочим, божественную силу зрения. Я обратился к нему и от него узнал, что наше с тобой свидание, о царь! состоится в ближайшее время таким именно образом, как оно и произошло.

(Во дворце же происходило следующее). Синхагош (мой товарищ по тюрьме) выдал царю замыслы убитого Кантака (по отношению к его дочери), и в благодарность за это царь назначил его на освободившуюся должность начальника тюрьмы. Он неоднократно устраивал мне возможность проникнуть, по тому же самому подземному ходу, в комнату царевны. Она уже заочно была в меня влюблена на основании тех известий, которые ей обо мне сообщила Шрипгалика. И я сделался ее любовником.

Как раз в это время Чадаварман, разгневанный тем, что Синхаварман, царь Бенгальский, отверг его сватовство за его дочь, пошел на него войной и осадил город. Царь Бенгальский был нетерпелив, и не дожидая, пока враг окончит все свои приготовления к нападению на город, сам вышел из городских стен ему навстречу и сразу вступил в бой с превосходящими силами неприятеля, не выждав прибытия близкой помощи. Произошло большое сражение, царь был ранен и взят в плен. Амбалика же была насильно схвачена. Чадаварман привез ее к себе домой, чтобы против ее воли жениться на ней. Самое совершение обряда венчания он назначил, сказав: — «Как только миует эта ночь, то и свадьба!» — Но я на дому у Динамитра надел на руку венчальную повязку, также намереваясь обвенчаться с Амбаликой. Я сказал Динамитру: — «Друг мой! как раз теперь подошли все дары, состоящие в союзе с царем Бенгальским. Ты, вместе с представителями города, соединишься с ними, но так, чтобы этого решительно никто не заметил, и находишься при них наготове. Когда ты вернешься, то увидишь обезглавленный труп нашего врага». Он сказал: — «Хорошо!» — и удалился. Я же отправился ко двору царя, который не подозревал, что ему уже немного осталось жить. Там я застал предпраздничную суматоху, доставлялись всякие принадлежности для предстоящего торжества, масса народа входила, выходила и шныряла во все стороны. Вместе с ними вошел и я, имея скрытый при себе книжал.

Обряд совершался согласно ритуала Атарваеды. Духовенство нараспев декламировало священные гимны. Амбалика стояла перед священным огнем, и когда она, согласно обряда, должна была подать руку, жениху, а тот собирался уже ее взять, я подошел, схватил его за толстую

как бревно, руку и ударил кинжалом в грудь. Несколько приближенных бросились к нему на помощь, но я также отправил их на тот свет. Затем я стал в этом дворце, который я усыпал трупами, разыскивать мою Амбалику, и нашел ее дрожавшую от волнения всем своим нежным телом. Я посмотрел прямо в ее прелестные большие глаза и, желая насладиться ее объятиями, вместе с нею пошел в спальню. В этот самый момент мне выпало на долю счастье, о царь! услышать голос твой, густой, как гром свежих весенних туч».

Выслушав этот рассказ, царь Раджавахана улыбнулся и сказал:

— «Ты своею неразборчивостью в средствах превзошел самого Карни-сута!» — Затем, взглянув на Упахаравармана, он сказал:

— «Рассказывай, теперь твой черед!»

Тот поклонился, улыбаясь, и начал:

(Продолжение следует)

Перевел с санскритского
Ф. Шербацкой

